

УДК 902

РУССКО-БОЛГАРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ НА ВОЛГЕ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (по материалам поселения Курмыш-4)

*Н.Н. Грибов, кандидат исторических наук,
Ф.А. Ахметгалин, научный сотрудник*

Область, разделяющая территории Северо-Восточной Руси и Волжской Булгарии, до сих пор остается слабо изученной. Сведения из письменных памятников не позволяют составить сколько-нибудь ясное представление о происходивших здесь процессах. Археологические материалы, на которые остается надеяться, в основном происходят из отдельных изученных памятников или микрорегионов, которые пока не охватывают сколько-нибудь полно всей интересующей территории. Несомненный интерес в этом ключе имеют средневековые поселения, расположенные не только на территории Марий Эл, Чувашии, но и на западной периферии Нижегородской области.

В 1984 г. отряд Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством М.Г. Жилина зафиксировал в нескольких километрах к северо-западу от современного поселка Курмыш Пильнинского района Нижегородской области компактное скопление из пяти небольших средневековых поселений. Входящие в него памятники первоначально были охарактеризованы как русские (или русско-мордовские) селища XIV–XV вв. с размерами от 600 до 3000 кв. м¹ (рис. 1).

При обследовании района их расположения комплексной экспеди-

цией Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского и Института истории им. Ш. Марджани АН РТ в 2007 г. выяснилось, что площадки четырех из них представляют собой локальные участки одного большого памятника, который был обозначен как поселение Курмыш-4². Его площадь, определенная по распространению подъемного материала, составляет 16,5 га. Размеры поселения были определены благодаря обследованию сотен открытых ям, оставленных мародерами, ими же с помощью нанятой сельхозтехники была пропахана полоса длиной около 1 км, которая пересекала почти всю его площадку. Для средневековых селищ Нижегородского Поволжья размеры поселения Курмыш-4 весьма необычны. Самые крупные русские селища из окрестностей Нижнего Новгорода имеют площади в 4–6 га, максимальные размеры известных мордовских селищ в южных районах достигают 10–11 га.

Памятник вытянут вдоль кромки первой надпойменной террасы левого берега р. Суры на 1200 м. В глубь террасы его площадка простирается на 80–250 м. Ее высота над уровнем заболоченной поймы колеблется от 5 до 7 м. Территория памятника узкой балкой рассечена на две части. В

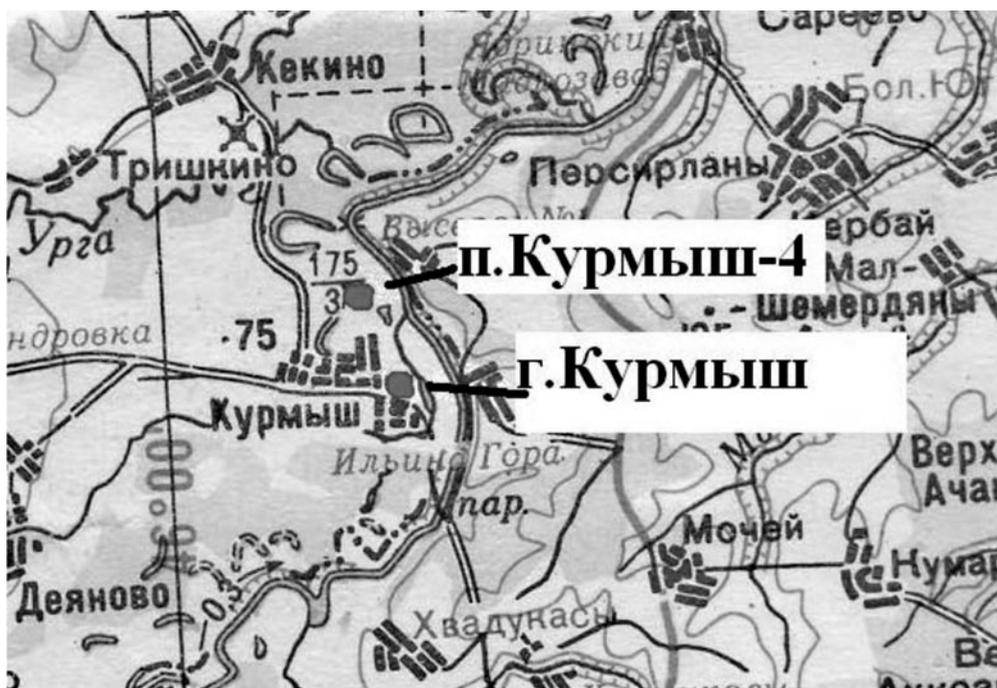

Рис. 1. Ситуационный план

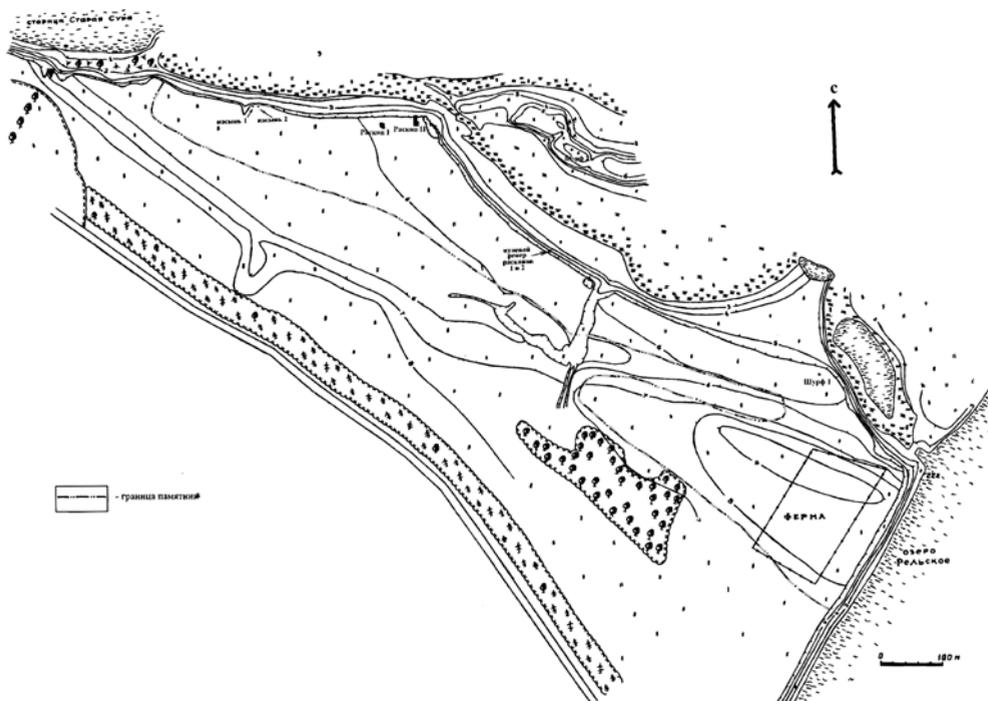

Рис. 2. План поселения Курмыш-4, с обозначением границ памятника.
Инструментальная съемка Н.Н. Грибова 2009 г. Сечение горизонталей через 1 м.
За нулевой уровень принят уровень воды в старице Старая Сура

юго-восточной был заложен небольшой малометражный шурф (2x2 м), который выявил двухслойный характер культурных напластований: под темным средневековым слоем на супесчаном материке лежал светлый горизонт с лепной керамикой финала бронзы. В северо-западной половине памятника в 2008 и 2009 гг. были заложены два раскопа, общей площадью 107 кв. м (рис. 2). Здесь были вскрыты только средневековые напластования (мощностью до 40 см), которые почти повсеместно на всю глубину до материка были переотложены в результате распашки. Только на небольших локальных участках и только вблизи материковой поверхности культурный слой был структурирован (рис. 11). Большой неожиданностью для исследователей стал уникальный для средневековых памятников Нижегородского Поволжья состав собранного керамического комплекса.

Собранная керамическая коллекция (подъемный материал и раскоп) включает в себя около 20000 фрагментов. По сочетанию значений основных технологических признаков (способу формовки, характеру обжига, рецептуре теста) в ней выделяется несколько групп, среди которых преобладает так называемая «славяноидная» керамика (XVI группа по классификации Т.А. Хлебниковой), изготовленная в полном соответствии с традициями русского средневекового гончарства за исключением характера примеси в виде мелкотолченой раковины³. К «славяноидной» посуде относится в среднем каждый второй черепок, обнаруженный на памятнике (49,9%). Второй по численности является русская средневековая керамика с примесью песка или дресвы (30,0%). Набор венчиков (как «славяноидной», так и русской посуды) по соотношению разных типов

характерен для второй хронологической группы, выделенной по русским памятникам Нижегородского Поволжья и датируемой промежутком середины XIV – начала XV вв.⁴

Меньшее распространение имеют круговая керамика с примесью шамота по формам, в большинстве случаев повторяющая известные образцы русской посуды (10,2%), лепная керамика с преобладающей добавкой того же шамота, по венчикам и формам сосудов очень близкая мордовской посуде (7,3%), красноощенная керамика эпохи Золотой Орды (2,3%) (рис. 3).

Количественные соотношения керамики основных вышеназванных групп в подъемном материале и в разных слоях наиболее крупной ямы, обнаруженной на раскопе 1, соответствуют друг другу. Следовательно, можно полагать, что в быту местных насельников использовалась посуда, сделанная в различных этнокультурных традициях.

Культурное разнообразие обнаруживается и в характере вещевого материала. Коллекция индивидуальных находок, собранных как в раскопах, так и в качестве подъемного материала, состоит из 530 единиц. Значительную часть из них (81 находка) составляют фрагменты чугунных котлов (рис. 4). Среди них встречено 19 венчиков и четыре фрагмента стенок со следами ремонта (рис. 5). К кругу поволжских золотоордынских древностей можно отнести еще целый ряд находок. Это бронзовая дужка от зооморфного болгарского замка, бронзовая нашивная накладка, три однотипные поясные штифтовые накладки из бронзы с гладкой поверхностью подквадратной формы с выступами по углам и по середине одной из сторон, многочисленные фрагменты медной посуды, свинцовые «пломбы-грузики», фрагмент венчика стеклянного сосуда, три

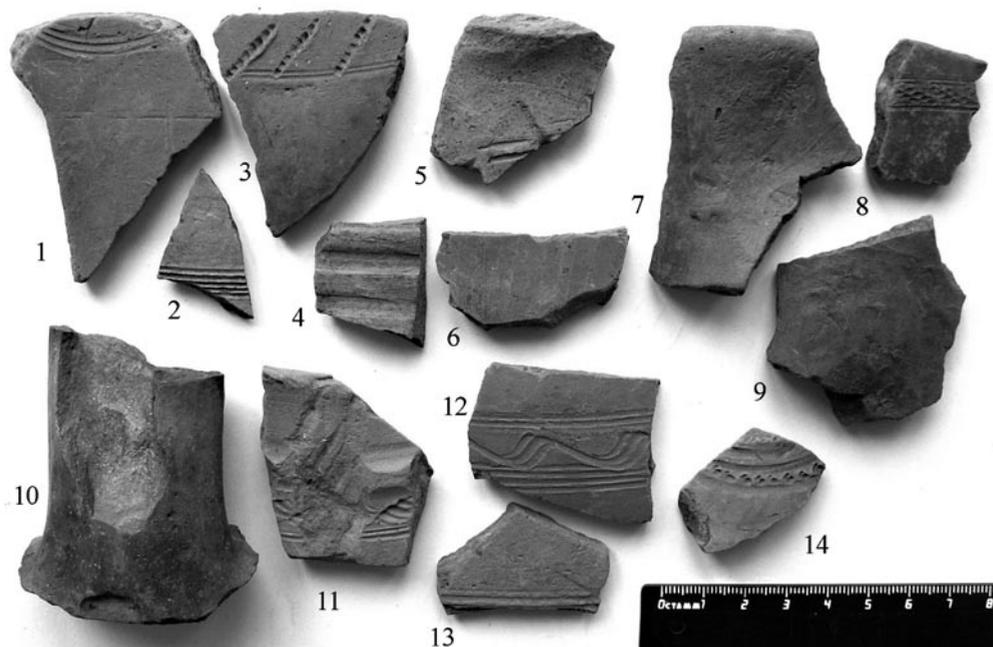

Рис. 3. 1-14. Фрагменты болгаро-золотоордынской керамики с поселения Курмыш-4

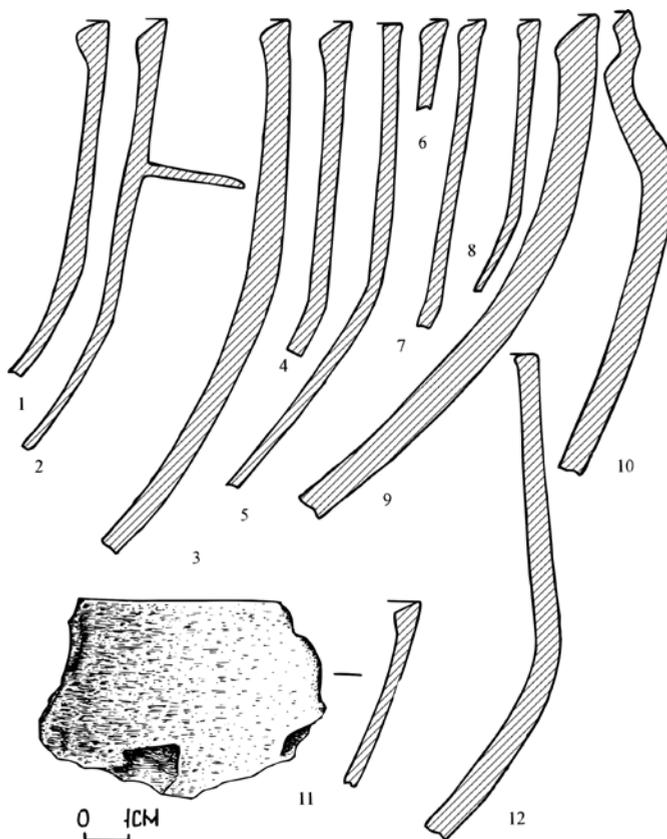

Рис. 4. 1-12. Венчики чугунных котлов, 11 – фрагмент чугунного котла

фрагмента поливной кашинной посуды (среди них выделяется фрагмент так называемого «тимуридского» кашина, расписанного кобальтом) (рис. 6, 7, 1-3, 5-7, 8-10). К изделиям этого же круга можно отнести бронзовую муфту (от футляра ножа?) полукруглой формы с декоративным щитком колоколовидной формы. Завершение последнего отмечено оттиском клейма в виде рельефной надписи, состоящей из двух арабских букв («ба» и «каф»), образующих слово «бек» (изображение клейма атрибутировано как надпись и прочитано к.и.н. П.Н. Петровым) (рис. 7, 4).

Нумизматические находки представлены девятью монетами чеканки поволжских центров Золотой Орды. Среди них два одинаковых медных анонимных пула с изображением барса (монетный двор — Гюлистан, 764 г.х.), медный пул Хызра (г. Гюлистан, очевидно, 762 г.х.: при изготовлении штемпеля допущена ошибка в обозначении даты — 766 г.х.), шесть дирхемов: два Узбека (г. Сарай, один — 715 или 717 г.х., другой — 734 г.х.), два Джанибека (оба — 743 г.х., чеканки г. Сарая ал-Джедид), один Бердибека (760 г.х., г. Сарай ал-Джедид) и один Мюрида (764 г.х., г. Гюлистан). Монеты ханов Узбека и Джанибека обрезаны (их вес от 0,71 до 1,36 гр.) (рис. 7, 11–13).

К типично финским элементам материальной культуры относится бронзовая кольцевая застежка, к предметам личного благочестия, характерным для православного русского населения, — четыре бронзовых креста-тельника, свинцово-оловянистая двухсторонняя иконка-привеска с ростовым изображением святого Николая Чудотворца (рис. 8).

Обращают на себя внимание следы различных производств, прежде всего, связанных с получением и обработкой железа. Это одна целая и несколько

фрагментированных криц, большое количество крицеобразных металлургических шлаков, которые встречаются почти на всей территории памятника (рис. 9). Большое количество найденных осколков чугунных котлов позволяет поставить вопрос о местном производстве этих изделий. С обработкой железа связан массивный пробойник (рис. 10, 1). О существовании на поселении бронзолитейной мастерской свидетельствуют фрагменты керамических тиглей, два осколка от литейных форм (для отливки перстней), литники, слитки бронзы, бронзовая проволока (рис. 10, 3–9). С резьбой по кости, очевидно, следует связать железное лучевое сверло (рис. 10, 2).

Представления о некоторых традициях местного домостроительства можно получить из рассмотрения вскрытых на раскопе объектов. Среди них — две достаточно обширные материковые ямы. Одну из них с развалом глинобитной печи в верхней части заполнения можно охарактеризовать как предпечную, другую с деревянной обшивкой стен и половым настилом — как небольшой погреб, размером 1,5x1,7 м (глубиной от материка 110 см). Пристенная обшивка состояла из горбылей, вертикально вбитых в дно узкой пристенной канавки. Половой настил был настелен на две лаги. Нижний горизонт заполнения ямы, очевидно, связан с обрушением верхней части пристенной забутовки, в нем много тленообразных остатков сломанных плах и горбылей. Второй снизу горизонт, очевидно, образовался как грунт обрушения материковых кромок ямы. И, наконец, верхний горизонт, связанный с развалом небольшой глинобитной печи, вероятней всего, представляет собой последствия обрушения отопительного устройства, сооруженного на деревянном перекрытии над ямой.

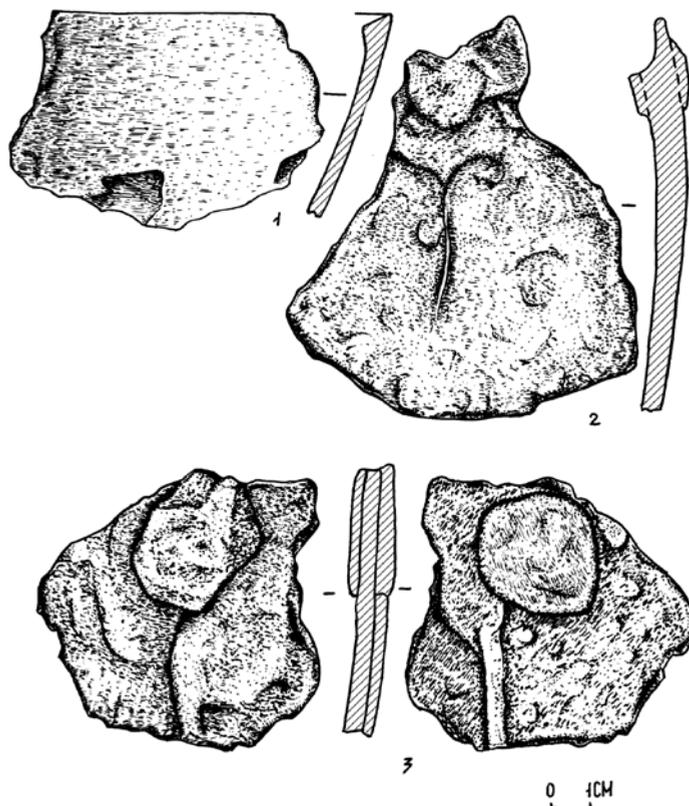

Рис. 5. 1-3. Фрагменты бракованных чугуных котлов или со следами ремонта

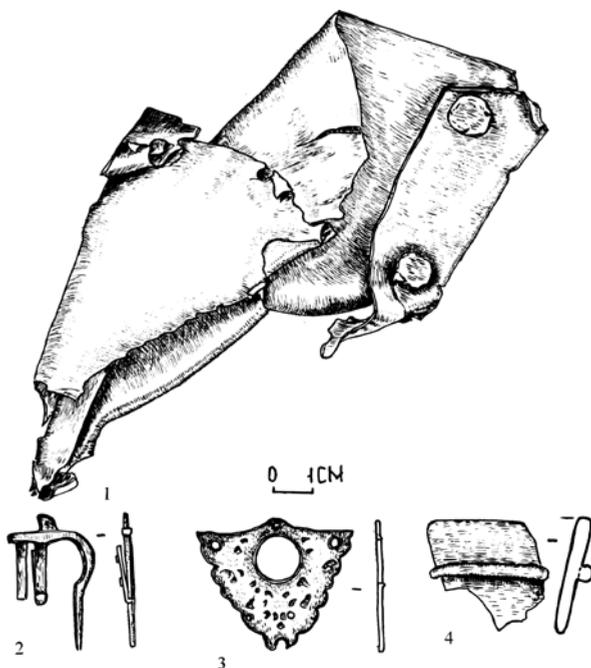

Рис. 6. 1 – фрагмент медного котла, 2 – дужка замка, 3 – накладка, 4 – венчик стеклянного сосуда

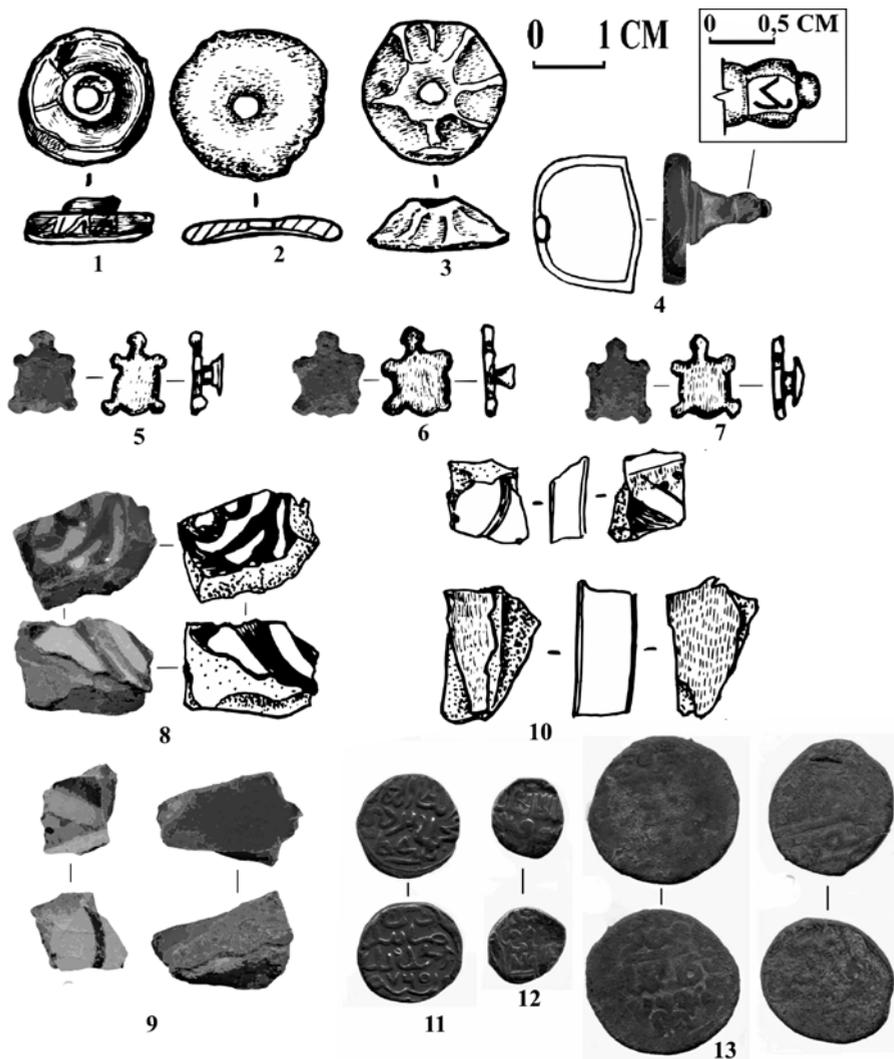

Рис. 7. 1–3 – свинцовые пломбы (грузики), 4 – обойма ножа бронзовая с надписью «бек», 5–7 – накладки бронзовые, 8 – фрагмент кашинной поливной «тимуридской» керамики, 9–10 – фрагменты кашинной поливной золотоордынской керамики XIV в., 11–13 – медные пули второй половины XIV в.

Рис. 8. Свинцово-оловянистая двухсторонняя иконка-привеска с изображением святого Николая Чудотворца

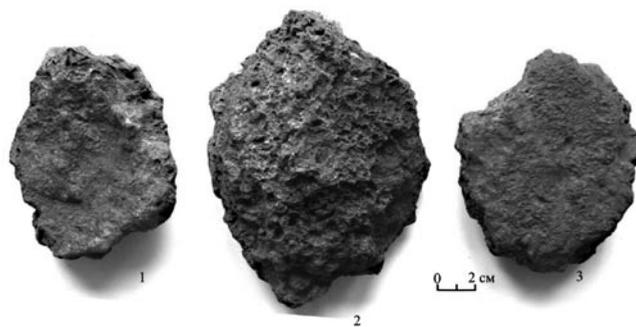

Рис. 9. 1–3 – крицы

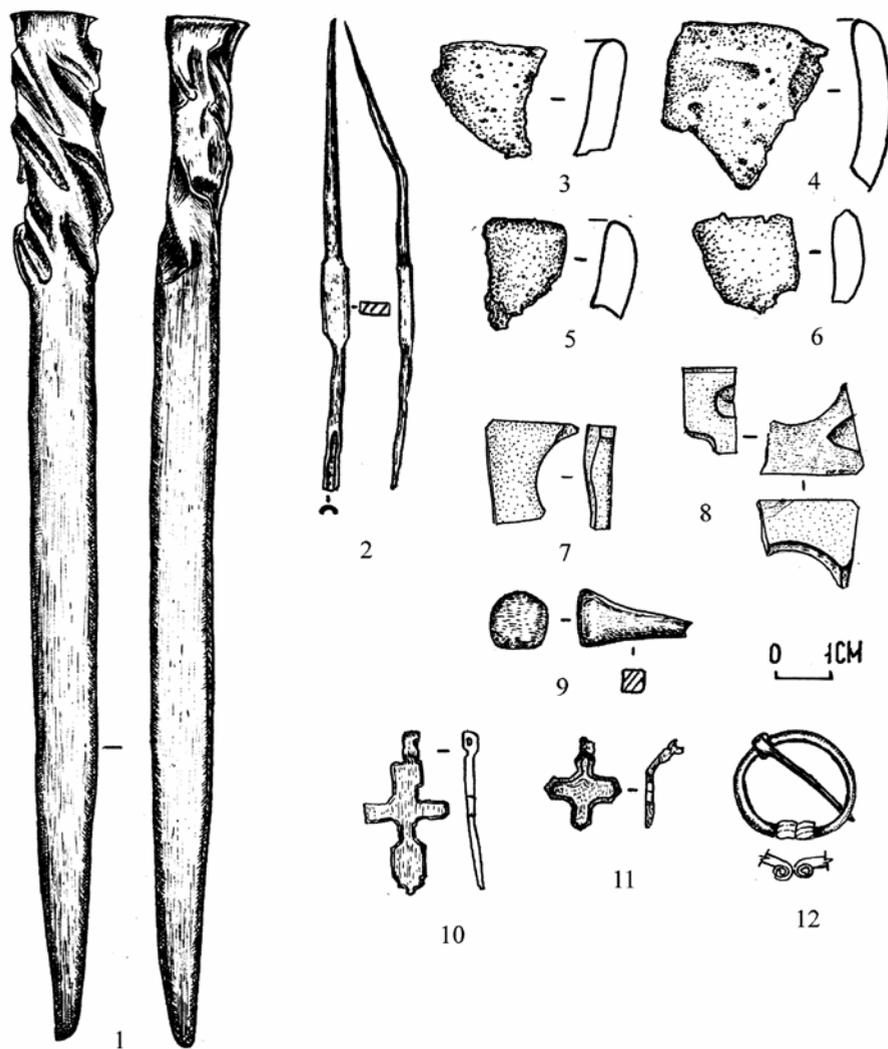

Рис. 10. 1 – железный пробойник, 2 – железное сверло, 3–6 – фрагменты керамических тиглей, 7–8 – фрагменты каменных литейных форм, 9 – фрагмент бронзового литника, 10–11 – бронзовые крестики, 12 – бронзовая сьюльгама

Сооружение, связанное с данным углублением, можно предположительно охарактеризовать как двухъярусную жилую постройку с подпольной ямой, выполнявшей функцию погребя. Подобные сооружения известны по раскопкам сельских болгарских и русских памятников (рис. 12).

По особенностям состава керамического комплекса, этнокультурному разнообразию вещевого материала памятник можно отнести к кругу средневековых поселений, изученных в Горномарийском районе Республики Марий Эл. Вместе с тем у памятника есть и своеобразные черты, выделяющие его из поселений, входящих в округи Мало-Сундырского и Васильсурского V городищ. Прежде всего, это значительные размеры, широкое распространение чугунных котлов, большая насыщенность находками. По этим признакам и времени существования Курмыш-4 сближается с Торецким селищем⁵. Подобные памятники известны в Чувашии⁶, на границе Золотой Орды и русских земель в среднем течении Дона⁷.

Ключи к разгадке социальной природы поселения, его функций мы получаем при обращении к письменным источникам и при его рассмотрении на более широком фоне средневекового расселения Нижегородского Поволжья.

Сохранившийся текст одной жалованной грамоты из архивохранилища Нижегородского Благовещенского монастыря позволяет уверенно причислить данное поселение к владениям нижегородского князя Бориса Константиновича, в удел которого, по крайней мере, в промежуток с 1372 по 1393 г. входило все левобережье р. Суры — от устья до места впадения в нее р. Курмышки⁸. В состав жителей поселения, скорее всего, входили выходцы из золотоордынских областей,

возможно, выкупленные в Орде пленные и местное финноязычное зависимое от нижегородских князей население. Поселение Курмыш-4, вероятно, играло роль ремесленного и торгового центра, основанного благодаря княжеской инициативе, на пересечении сухопутного и водного путей, ведущих в Орду. В 1372 г. в его ближайших окрестностях, но на некотором удалении от берега Суры, Борис заложил укрепленную резиденцию, известную по сообщению русских летописей как город Курмыш⁹. Его размеры (около 5000 кв. м) вполне соответствуют размерам древнерусских укрепленных усадеб («феодалных замков»)¹⁰.

Несмотря на сведения о походе Идегея, когда Курмыш был разграблен¹¹, исследуемое поселение, вероятно, не было окончательно заброшено. После Белевского сражения в 1437 г., в 40-х гг. XV в. Курмыш становится базой Улу Мухаммеда, откуда он совершает свои походы и берет Нижний Новгород. В 1445 г. он разбивает войско Василия II, впоследствии Темного, в Курмыш он привозит взятого в плен Великого князя московского и вынуждает его подписать договор о выплате дани¹². Некоторые историки считают этот момент одним из важнейших при основании Казанского и Касимовского ханств.

Поселение Курмыш-4 обнаруживает ряд городских черт, к которым можно отнести большую площадь, полиэтничный характер населения, следы разнообразной производственной ремесленной деятельности, торговли. По классификации В.Л. Егорова, он характеризуется как малый город Золотой Орды¹³.

Материалы, полученные при его первичном обследовании, позволяют по-новому взглянуть на специфику освоения поволжского русско-золотоордынского пограничья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Жилин М.Г.* Отчет Горьковской экспедиции за 1984 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 10532; *Николаенко Т.Д.* Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 1. — М., 2004. — С. 298, 299.

² *Грибов Н.Н.* Отчет об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Богородском и Пильнинском районах Нижегородской области в 2007 году // Архив ИА РАН. Р-1.

³ *Хлебникова Т.А.* Археологические памятники XIII–XIV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. — Йошкар-Ола, 1967. — С. 89, 90; *Никитина Т.Б.* К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // *Finno-Ugrica*. — 2005–2006. — № 9 — С. 114–130.

⁴ *Грибов Н.Н.* Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 10. — Н-Новгород, 2006. — С. 71.

⁵ *Валиуллина С.И.* Проблемы преемственности городской культуры в округе Биляра // Татарская археология. — 2004. — № 4.

⁶ *Трубникова Н.В.* Селище у д. Таутово. Отчет Чувашской экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН Р-1, № 1259.

⁷ *Тропин Н.А.* Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Докторская диссертация. — С. 283.

⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. — М., 1964. — Т. 3. — С. 321.

⁹ Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 15. — М., 2000. — Стб. 100.

¹⁰ *Очеретин И.А.* Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследований 1991 года) // Уваровские чтения-II. — Муром, 1994. — С. 201.

¹¹ Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 15. — М., 2000. — Стб. 484.

¹² *Зимин А.А.* Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. — М.: Мысль, 1991. — С. 45.

¹³ *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. — М. — С. 70.

Аннотация

Статья посвящена подведению предварительных итогов первых лет археологических раскопок на торгово-ремесленном поселении Курмыш-4, расположенном у одноименного поселка в Пильнинском районе Нижегородской области. По мнению авторов, первоначально, во второй половине XIV в., поселение принадлежало владениям нижегородского князя Бориса Константиновича, а после известного Белевского сражения 1437 г. превращается в базу бывшего золотоордынского хана Улу Мухаммеда.

Ключевые слова: русско-золотоордынское пограничье, город Курмыш, полиэтничное население, топография города, материальная культура.

Summary

The article is devoted to summing up the preliminary results of the first years of archaeological diggings in the trade settlement Kurмыш-4, situated near the village of the same name in Pilyninskiy area of Nizhegorodski region. According to the authors' viewpoint primarily in the second half of the XIVth century the settlement belonged to the property of Nizhegorodski prince Boris Konstantinovich, and after a well-known Belevski battle of 1437 it became the basis of the former Golden Horde khan Ulu Mohammed.